Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об Али-Шаре и Зумурруд

Рассказывают, что был в древние времена и минувшие века купец из купцов в землях хорасанских, которого звали Маджд-ад-дин.

И имел он много денег, и рабов, и невольников, и слуг, но только достиг он шестидесяти лет жизни, и не досталось ему ребенка. А после этого послал ему Аллах великий сына, и назвал он его Али. И когда мальчик вырос, стал он подобен луне в ночь полноты. Когда же он достиг возраста мужей и приобрел все качества совершенных, его отец заболел смертельной болезнью и призвал к себе своего сына и сказал ему; "О дитя мое, приблизилось время моей гибели, и я хочу дать тебе наставление". - "А какое, о батюшка?" - спросил Али. И его отец сказал: "О дитя мое, завещаю тебе, не общайся ни с кем из людей и сторонись того, кто навлекает вред и беду. Берегись злого собеседника - он подобен кузнецу: если тебя не обожжет его огонь, повредит тебе его дым. А как хороши слова поэта:

Уж не от кого теперь любви ожидать тебе,

И если обманет рок, не будет уж верен друг,

Живи в одиночестве и впредь никому не верь

Я дал тебе искренний совет - и достаточно.

И слова другого:

Все люди - недуг сокрытый,

На них ты не полагайся.

У них обманы и козни,

Когда ты про них узнаешь.

И слова другого:

От встреч с людьми мы только получаем

Пустую болтовню и пересуды.

Встречайся мало ты с людьми - и только,

Чтоб стать ученей иль дела поправить.

Или слова другого:

Когда людей испробует разумный

Я раскусил их, - и их нрав узнает,

Увидит, что обманчива любовь их,

А вера их, увидит он, - притворство".

"О батюшка, я выслушал и повинуюсь. А еще что мне делать?" - спросил Али. И его отец сказал: "Делай добро, когда можешь, и постоянно твори с людьми благие дела. Пользуйся случаем и расточай милости - не во всякое время удаются стремления, и как хороши слова поэта:

Не во всякий, ты помни, миг и минуту

Удается свершить дела нам благие.

Так спеши же навстречу им, когда можешь,

Опасаясь, что вновь придет затрудненье".

И юноша сказал: "Я выслушал и повинуюсь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девятая ночь

Когда же настала триста девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал своему отцу: "Я выслушал и повинуюсь. А что потом?" И его отец сказал: "О дитя мое, сохраняй повиновенье Аллаху, он сохранит тебя; береги свои деньги и не будь неумеренным, если ты станешь неумеренно их тратить, будешь нуждаться в ничтожнейшем из людей. Знай, что человек стоит столько, сколько имеет его десница, а как хороши слова поэта:

Коль деньги мои скудны, не дружен со мной друг,

А если побольше их - все люди друзья мне.

Как много врагов моих за деньги со мной дрожат,

И сколько, как денег нет, друзей мне враждебны!"

"А потом что?" - спросил Али. И его отец сказал: "О дитя мое, советуйся с теми, кто старше тебя годами, и не спеши к тому делу, которого хочешь. Жалей того, кто ниже тебя - пожалеет тебя тот, кто выше тебя, и не обижай никого - не то Аллах даст над тобою власть тому, кто тебя обидит. Как хороши слова поэта:

Сочетай с твоей ты другого мысль и советуйся

От двух не скрыто правильное мненье,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Муж-зеркало, где лицо его отражается,

А в два зеркала может видеть он затылок.

И слова другого:

Помедли и не спеши к тому, чего хочешь ты,

И к людям будь милостив, чтоб милость к себе найти,

Над всякой десницею десница всевышнего,

И всякий злодей всегда злодеем испытан был.

Или слова другого:

Не будь притеснителем, когда только можешь ты

Всегда притесняющий на лезвии мести.

Коль очи и спят твои, обиженный бодрствует,

Кляня тебя, и не спит глаз зорки" Аллаха.

И берегись пить вино - в нем начало всякого зла; вине прогоняет ум и бесчестит вьющего, и как хороши слова поэта:

Аллахом клянусь, вино не будет пьянить меня,

Пока связан с телом дух, и ясность со словом!

Стремиться к прохладному вину я не буду впредь,

И друга возьму себе и только из трезвых.

Вот мое наставление тебе. Держи его у себя перед глазами, и Аллах преемник мой для тебя".

И потом он обмер и некоторое время молчал, а очнувшись, попросил прощенья у Аллаха и произнес оба исповедания [344], и преставился к милости Аллаха великого. И заплакал о нем его сын и зарыдал, а потом принялся обряжать его, как подобает. И шли в похоронном шествии великие и малые, и чтецы стали читать, вставши вокруг гробницы, и сын не упустил ничего, что должно, и все сделал.

И затем об умершем помолились и похоронили его в земле, и написали на могиле такое двустишие:

Из праха создан, сделался живим ты,

И научился ясности ты в речи.

Во прах вернувшись снова, стал ты мертвым,

Как будто праха и не покидал ты,

И печалился по нем сын его Али-Шар сильной печалью, и принимал соболезнования, согласно обычаю знатных, и продолжал он печалиться по отце, пока не умерла его мать через малое время после отца. И он сделал для своей матери то же, что сделал для отца. И после этого он стал сидеть в лавке, продавая и покупая, и не общался ни с кем из тварей Аллаха великого, поступая по наставлению своего отца, и жид он так в течение года. А через год вошли к нему, с помощью хитрости, дети непотребных женщин и завели с ним дружбу, так что он склонился с ними к разврату и отвернулся от прямого пути. И стал он пить вино кубками, и ходил к красавицам и утром и вечером, и говорил про себя: "Отец собрал для меня эти деньги, и если я не буду их тратить, то кому же я их оставлю? Клянусь Аллахом, я буду делать лишь так, как сказал порт:

Если будешь ты проводить весь век,

Когда богатства, сбирая их,

То когда же тем, что собрать успел

И скопил себе, насладишься ты?"

И Али-Шар непрестанно сыпал деньгами, в часы ночи и часы дня, пока не извел все свои деньги и не обеднел. И положение его ухудшилось, и ум его замутился, и оп продал лавку и помещение и прочее, а потом после этого он продал носильное платье и ничего не оставил себе, кроме одной смены одежды. И когда минуло опьянение и пришло размышление, он впал в горесть.

И однажды он просидел от утра до вечера, не вкушая пищи, и сказал себе: "Я обойду тех, на кого я тратил своп деньги: может быть, кто-нибудь из них меня накормит в сегодняшний день". И он обошел всех друзей, но всякий раз, как он стучался к кому-нибудь в дверь, хозяин оказывался отсутствующим и прятался от Али, так что его стал жечь голод. И он пошел на рынок купцов..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста десятая ночь

Когда же настала триста десятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шара стал жечь голод, и он отправился на рынок купцов и увидел толпу людей, собравшихся тесным кольцом. И он сказал про себя: "Посмотрю-ка, что за причина тому, что эти люди собрались. Клянусь Аллахом, я не двинусь отсюда, пока не погляжу, что в этом круге!" И подошел к кругу и увидел высокую девушку со стройным станом, розовыми щеками и крепкой грудью, превосходившую людей своего времени красотой, прелестью, блеском и совершенством, как сказал о ней один из описывавших ее:

Она была создана, как хочет, и вылита

По форме красы самой - не меньше и не длинней.

Влюбилась в лицо ее затем красота сама,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Разлука хулит ее, надменность, предательство.

Луна - ее лик, и ветка гибкая - стан ее.

И мускус - дыхание, и твари подобной нет.

Она будто вылита в воде свежих жемчугов,

И в каждой конечности луна ее прелести.

А имя этой невольницы было Зумурруд. И когда увидел ее Али-Шар, он удивился ее красоте и прелести и воскликнул: "Клянусь Аллахом, я не уйду, пока не увижу, до какого предела дойдет цена за эту девушку, и не узнаю, кто ее купил".

И он встал среди купцов, и те подумали, что он покупает, так как знали, что он богат деньгами, которые получил в наследство от родителей. И посредник встал подле невольницы и сказал: "О купцы, о люди с деньгами, кто откроет ворота цены этой девушки, госпожи лун и блестящей жемчужины, Зумурруд изготовляющей занавески, желанной для ищущего, услады для желающего? Открывайте ворота - нет ни упрека на тех, кто откроет их, ни укора".

И один из купцов сказал: "За мной пятьсот динаров". А другой сказал: "И еще десять". И сказал один старик по имени Рашид-ад-дин, - а он был голубоглазый [345] безобразный по внешности: "И еще сто". А другой сказал: "И еще десять". И тогда Рашид-ад-дин воскликнул: "За тысячу!" И купцы заперли свои языки и замолчали. И посредник посоветовался с владельцем девушки, и тот сказал: "Клянусь, я продам ее лишь тому, кого она выберет! Посоветуйся с нею".

И посредник подошел к девушке и сказал: "О госпожа лун, этот купец хочет тебя купить". И девушка посмотрела на него и увидела, что он такой, как мы упомянули, и сказала посреднику: "Меня не продадут старику, которого дряхлость ввергла в наихудшее состояние. От Аллаха дар того, кто сказал:

Просил я лобзания, она же увидела,

Что сед я (а я тогда богато, счастливо жил),

И молвила, отвратясь поспешно: "О нет, клянусь

Я тем, кто из ничего весь род сотворил людской,

Охоты до белизны седин не имею я,

И буду ль, пока жива, напихивать хлопком рот?"

И когда посредник услышал ее слова, он сказал ей: "Клянусь Аллахом, тебе простительно, и цена за тебя десять тысяч динаров!"

И он осведомил хозяина девушки о том, что она не согласна быть проданной этому старику, и хозяин сказал: "Предложи ей кого-нибудь другого".

И выступил вперед другой человек и сказал: "Продай мне ее за ту цену, которую давал старец, неугодный ей!" И девушка посмотрела на него и увидела, что у него крашеная борода, и сказала: "Что такое этот порок и бесславье и чернота лика седины!"

И она выразила удивление и произнесла такие стихи:

"Явил такой-то все, что мне явил он,

Затылок, клянусь богом, туфлей битый,

И бороду, где для зверей просторно,

И рог, весь согнутый веревкой крепкой.

О ты, влюбившийся в мой стаи и щеку,

О невозможном грезишь ты беспечно!

Пороками окрасил ты седины,

Скрываешь то, что есть, чтоб ухитриться,

С одной бородой уйдя, с другой приходишь,

Как будто ты показываешь тени [346].

А как хороши слова поэта:

Сказала: "Ты седину покрасил". И молвил я:

"Я скрыл ее от тебя, о зренье мое и слух".

Сказала она тогда со смехом: "Вот диво-то,

Подделка умножилась, проникла и в волосы".

И посредник, услышав ее стихи, воскликнул: "Клянусь Аллахом, ты сказала правду!" А купец спросил: "Что она сказала?" И посредник повторил ему стихи, и купец понял, что правда против него, и отказался от девушки.

И выступил вперед другой купец и сказал: "Предложи ей меня за ту цену, которую ты слышала". И она взглянула на него и увидела, что он кривой, и сказала: "Это кривой, и поэт сказал о нем:

С кривыми ты и день один не дружи,

Их лжи страшись, и злобы их бойся ты"

Коль было бы в кривых добро малое,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Не сделал бы слепыми их глаз Аллах".

"Будешь ли ты продана этому купцу?" - спросил девушку посредник. И она посмотрела на него и увидела, что он короткий, а борода у него свисаес до пупка, и молвила: "Это тот, о ком поэт сказал:

Есть друг у нас, имеет он бороду

Без пользы нам Аллах ее вырастил.

Как будто ночь для нас она зимняя

Предлинная, холодная, темная".

И тогда посредник сказал ей: "О госпожа, посмотри, кто тебе нравится из присутствующих, и скажи, чтобы я продал тебя ему". И девушка посмотрела на кружок купцов, и стала вглядываться в одного за другим, и ее взор упал на Али-Шара..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста одиннадцатая ночь

Когда же настала триста одиннадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда взор девушки упал на Али-Шара, она посмотрела на него взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и ее сердце привязалось к нему, так как он был редкостно красив и приятнее" чем северный ветерок.

И она сказала: "О посредник, я буду продана только этому, - моему господину, чье лицо прекрасно и стан строен, и сказал о нем один из описывающих:

Как прекрасен ее лик,

И влюбленных корят потом,

Хоть хотели укрыть меня,

Пусть бы скрыли твой дивный лик!

Никто не будет владеть мною, кроме него, так как щеки его овальны, а влага уст его - Сельсебиль и слюна его излечивает больного, а прелести его смущают нанизывающего и рассыпающего, как сказал о нем поэт:

Слюна его - вино, а дыханье

Что мускус, и камфора-улыбка.

Ридван [347] его из райских врат выпустил

Боялся он для гурий соблазна.

Корят его за гордость все ближние,

Но месяцу, коль горд он, прощают.

Он обладатель кудрявых волос и розовых щек и колдующих взоров, о которых сказал поэт:

Газель обещала мне, что близость мне даст свою,

И сердце в волнении, и глаз в ожидании.

Глаза мне ручаются, что правду он обещал,

Но как обещание исполнят, усталые?

А другой сказал:

Говорят: "Пушка уже видна надпись вдоль щек его,

Как любить его, коль уж выступил молодой пушок?

Я сказал: "Довольно корить меня, перестаньте же!

Коль верна та надпись, тогда она подделана!

И навеки рай нам дадут плоды со щеки его

Доказательство - влага Каусара [348] на устах его".

Услышав, какие стихи произнесла девушка о красоте Али-Шара, посредник удивился ее красноречию и сиянию ее блеска, и владелец ее сказал ему: "Не удивляйся ее блеску, который позорит дневное солнце, и тому, что она хранит в памяти нежные стихи: вместе с этим она читает великий Коран по семью чтениям [349] и передает благородные предания в правильных изводах, и пишет семью почерками, и знает из наук то, чего не знает ученый пресведущий. Ее руки лучше золота и серебра, - она делает шелковые занавески и продает их и наживает на каждой пятьдесят динаров, и она изготовляет занавеску в восемь дней". - "О, счастье тому, у кого она будет в доме и кто сделает ее своим тайным сокровищем!" - воскликнул посредник. И владелец девушки сказал: "Продай ее всякому, кого она захочет!" И посредник вернулся к Али-Шару и поцеловал ему ругай и сказал: "О господин, купи эту невольницу - она тебя выбрала".

И он рассказал Али-Шару, каковы ее качества и что она знает, и промолвил: "На здоровье тебе, если ты ее купишь, - одарил тебя тот, кто не скупится на дары". И АлиШар промолчал некоторое время, смеясь над самим собою и говоря про себя: "Я не имею пищи, но я боюсь дурного от купцов, если скажу: "У меня нет денег, чтобы купить ее".

И девушка увидела, что Али-Шар опустил голову, и сказала посреднику: "Возьми меня за руку и отведи меня к нему; я покажу ему себя и соблазню его меня взять - меня не продадут никому, кроме него". И посредник взял девушку и поставил ее перед Али-Шаром и сказал ему: "Как ты думаешь, о господин?" Но Али-Шар не дал ему ответа. "О господин мой и возлюбленный моего сердца, почему ты меня не покупаешь? - спросила девушка. - Купи меня, и я буду причиной твоего счастья".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Али-Шар поднял голову к девушке и спросил ее: "Разве покупают по принуждению? Ты дорога, за тебя просят тысячу динаров". - "О господин, купи меня за девятьсот", - сказала девушка. И Али-Шар ответил: "Нет". И девушка сказала: "За восемьсот". И он ответил: "Нет". И она до тех пор сбавляла цену, пока не сказала ему: "За сто динаров!" И тогда он молвил: "Нет у меня полной сотни". И девушка засмеялась и спросила: "А сколько не хватает до твоей сотни?" И Али-Шар воскликнул: "Нет у меня ни сотни, ни сколько-нибудь! Клянусь Аллахом, я не владею ни белым, ни красным из дирхемов или динаров. Присмотри себе другого покупщика".

И когда девушка поняла, что у него нет ничего, она сказала ему: "Возьми меня за руку, как будто хочешь меня осмотреть в переулке". И Али-Шар сделал это, и тогда девушка вынула из-за пазухи кошель, где была тысяча динаров, и сказала: "Отвесь отсюда девятьсот в уплату за меня, а сотню оставь себе - она будет нам полезна".

И Али-Шар сделал так, как велела девушка, и купил ее за девятьсот динаров, и отдал плату за нее из этого мешка, и ушел с ней домой.

И, придя в его дом, она увидела, что это пустынная равнина, и там нет ни ковров, ни посуды. И она дала ему тысячу динаров и сказала: "Пойди на рынок и купи нам на триста динаров ковров и посуды".

И он сделал это, а потом девушка сказала: "Купи для нас кушаний и напитков..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двенадцатая ночь

Когда же настала триста двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: "Купи для нас кушаний и напитков на три динара". И он сделал это, а потом она сказала ему: "Купи нам отрез шелка величиной с занавеску, золотых и серебряных ниток и ниток цветного шелка семи оттенков".

И он сделал это, и тогда девушка постлала в доме ковры и зажгла свечи и села с ним пить и есть, и затем они пошли к постели и удовлетворили друг с другом свое желание. И они провели ночь, обнявшись, за занавесками и были таковы, как сказал поэт:

Посещай любимых, и пусть бранят завистники

Ведь против страсти помочь не может завистливый.

Я видела во сне, что лежишь на ложе одном со мной,

И прохладой высшей из уст твоих насладился я,

Вое, что видел я, правда-истина, я клянусь тебе,

И достигну я всего этого, назло недругам.

Не видали очи когда-нибудь лучше зрелища,

Чем влюбленных два, что на ложе мирно одном лежат,

Обнялись они, и покров согласья скрывает их,

И подушкой служат рука и кисть неизменно им,

И когда сердца привлекло друг к другу влечение,

По холодному люди бьют железу, узнай, тогда.

О хулящие за любовь влюбленных, поистине,

Разве можно сердце исправить вам, что испорчено?

И когда с тобой хоть один дружит дружбой чистою,

Только то и нужно. Живи же с этим единственным!

И они пролежали, обнявшись, до утра, и в сердце каждого из них поселилась любовь к другому. А затем девушка взяла занавеску и вышила ее цветным шелком и украсила золотыми нитками и обшила ее каймой с изображениями птиц. А по краям она вышила изображения животных и не оставила ни одного животного на свете, облик которого не изобразила бы на занавеске. И она провела, работая над занавеской, восемь дней, а когда занавеска была окончена, она скроила ее и выгладила и отдала ее своему господину и сказала: "Пойди на рынок и продай ее за пятьдесят динаров купцу, но берегись ее продать какому-нибудь прохожему - это будет причиной моей разлуки с тобой. У нас есть враги, которые о нас не забывают".

И Али-Шар сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И пошел с занавеской на рынок, и продал ее купцу, как велела ему девушка, а затем он купил кусок материи и шелк и золотые нитки, как обычно, и то, что им было нужно из пищи, и принес это девушке и отдал ей остаток денег.

И каждые восемь дней она отдавала ему занавеску, которую он продавал за пятьдесят динаров, и так провели они целый год. А через год Али-Шар пошел с занавеской на рынок, как обычно, и отдал ее посреднику, и тому повстречался христианин, который дал ему шестьдесят динаров, но посредник отказался, и христианин все прибавлял, пока не сторговал занавеску за сто динаров, и он подкупил посредника десятью динарами. И посредник вернулся к Али-Шару и сообщил ему об этой цене, и стал хитрить с Али, чтобы тот продал занавеску христианину За такие деньги.

"О господин, не бойся этого христианина, тебе не будет от него беды", - оказал он Али. И купцы тоже напали на него, и он продал занавеску христианину, а сердце его было встревожено. И потом он взял деньги и пошел домой и увидел, что христианин идет за ним. "О христианин, чего ты идешь за мной?" - спросил он. И христианин ответил: "О господин, у меня есть дело, и я иду в конец улицы. Аллах да не сделает тебя нуждающимся!"

И не подошел еще Али к своему дому, как христианин догнал его, и Али-Шар спросил: "О проклятый, почему ты За мной следуешь, куда бы я ни пошел?" - "О господин, дай мне глоток воды, я хочу пить, а награда тебе будет от Аллаха великого", - сказал христианин. И Али-Шар подумал: "Это человек, находящийся под защитой [350], я он пришел ко мне за глотком воды; клянусь Аллахом, я не обману его ожиданий..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тринадцатая ночь

Когда же настала триста тринадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шар подумал: "Это человек,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
находящийся под защитой, и он пришел ко мне за глотком воды; клянусь Аллахом, я по обману его ожиданий".

И затем он вошел в дом и взял кувшин и невольница Зумурруд увидела его и спросила: "О любимый, продал ли ты занавеску?" - "Да", - ответил АляШар. И она спросила: "Купцу или прохожему на дороге? Мое сердце чует разлуку". - "Я продал ее только купцу", - ответил Али-Шар. И девушка воскликнула: "Расскажи мне правду об этом деле, чтобы я могла исправить положение! Что это ты взял кувшин с водой?" - "Чтобы напоить посредника", - ответил Али-Шар. И девушка воскликнула: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!"

И затем она произнесла такие два стихав

"К разлуке стремящийся, потише!

Не дай обмануть себя объятьям.

Потише! Обман присущ ведь року,

И дружбы конец - всегда разлука".

А потом Али вышел с кувшином и увидел, что христианин входит в проход дома. "Как ты пробрался сюда, собака? - воскликнул Али-Шар. - Как ты смеешь входить в дом без моего позволения?" - "О господин, - ответил христианин, - нет различия между воротами и проходом, и я тронусь со своего места только для того, чтобы выйти, а от тебя будет милость, добро, щедрость и благодеяние".

И он взял кувшин с водой и выпил то, что в нем было, и после этого передал его Али-Шару, и Али-Шар взял кувшин и ожидал, что христианин уйдет, но тот не поднимался. "Почему ты не встаешь и не уходишь своей дорогой?" - спросил Али-Шар. И христианин оказал: "О господин, не будь из тех, кто сделал доброе дело и попрекает им, или из тех, о ком сказал поэт:

Удалились те, что, когда стоял ты у двери их,

Лучше щедрых всех, что хотел ты, исполняли.

А когда ты встал у дверей других, после их дверей,

Так глоткам воды попрекать тебя там стали.

О владыка мой, - сказал он потом, - я напился и хочу, чтобы ты дал мне поесть чего бы то ни было, что есть в доме - все равно, будет это ломоть хлеба, или сухарь, или луковица".

"Вставай и не затевай ссоры, в доме ничего нет", - сказал Али. И христианин молвил: "О владыка, если в доме ничего нет, возьми эти сто динаров и принеси нам чегонибудь с рынка - хотя бы одну лепешку, чтобы у нас был хлеб и соль". - "Поистине, этот христианин сумасшедший! Я возьму у него эти сто динаров и принесу ему что-нибудь, что стоит два дирхема, и посмеюсь над ним", - подумал про себя Али-Шар. А христианин сказал: "О господин, я хочу только утолить голод, хоть бы сухой лепешкой и луковицей. Лучшая пища та, которая отгоняет голод, а не роскошные кушанья, и как хороши слова поэта:

Утоляют голод лепешкою засохшею,

Почему ж волненья сильны мои и горести?

Справедлива смерть - одинаково обращается

И с халифами и с несчастными она нищими!"

"Подожди здесь, я запру жилье и принесу тебе чегонибудь с рынка", сказал Али-Шар. И христианин молвил: "Слушаю и повинуюсь!"

И Али вышел, и запер комнаты, и повесил на дверь замок, и, взяв с собою ключ, пошел на рынок. Он купил поджаренного сыру, белого меда, бананов и хлеба и принес это христианину, и когда христианин увидел это, он воскликнул: "О владыка, этого много и хватит на десять человек, а я один. Может быть, ты поешь со мной?" - "Ешь один, я сыт", - ответил Али-Шар. И христианин воскликнул: "О владыка, мудрые сказали: "Кто не ест со своим гостем, тот дитя прелюбодеяния". И когда Али-Шар услышал от христианина эти слова, он сел и поел с ним немного. И он хотел принять руку..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста четырнадцатая ночь

Когда же настала триста четырнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шар немного поел с христианином, и хотел принять руку, и тогда христианин взял банан и очистил его и разломил на две половинки, и в одну половинку он положил очищенного банджа, смешанного с опиумом, драхма которого свалит слона, а потом он обмакнул половину банана в мед и сказал: "О владыка, заклинаю тебя твоей верой, возьми это".

И Али-Шару было стыдно заставить его нарушить клятву, и он взял от него половинку банана и проглотил се, и едва она утвердилась у него в желудке, как его голова обогнала ноги, и он стал таким, как будто спит год. И, увидев это, христианин поднялся на ноги, точно плешивый волк или властвующая судьба, и, взяв у Али ключ от комнат, оставил его лежащим, а сам бегом побежал к своему брату и рассказал ему обо всем. А причиною этого было то, что брат христианина был тот дряхлый старик, который хотел купить Зумурруд за тысячу динаров, а она не согласилась и высмеяла его в стихах. А был он внутренне неверным и наружно мусульманином и назвал себя Рашид-ад-дином [351]. И когда девушка высмеяла его и не согласилась, он пожаловался своему брату христианину, который ухитрился похитить девушку у ее господина АлиШара (а имя его было Барсум). И он сказал: "Не печалься, я ухитрюсь добыть ее для тебя, не потратив ни единого дирхема и динара", ибо он был кудесник, коварный обманщик и распутник. И Барсум до тех пор строил козни и хитрил, пока не устроил хитрость, о которой мы упомянули, и взял ключи, и пошел к своему брату, и рассказал ему о том, что произошло.

И Барсум сел на мула и, взяв с собою своих слуг, отправился со своим братом к дому Али-Шара и захватил мешок с тысячей динаров, чтобы, когда встретит его вали, подкупить его.

И он отпер комнаты, и люди, бывшие с ним, бросились на Зумурруд и насильно взяли ее, пригрозив ей смертью, если она заговорит, и оставили дом, как он был, ничего не взяв. А Али-Шара оставили лежать в проходе, и закрыли дверь, и положили ключ от комнат с ним рядом. И старик христианин отправился с девушкой к себе во дворец и поместил ее среди своих невольниц и наложниц, и сказал ей: "О развратница, я тот старик, которого ты не захотела и которого ты высмеяла, а теперь я взял тебя, не отдав ни дирхема, ни динара". И она отвечала ему (а глаза ее наполнились слезами): "Довольно с тебя Аллаха, о злой старец, раз ты разлучил меня с моим господином!" - "О развратница, о любовница, ты увидишь, какие я причиню тебе мученья! - воскликнул старик. - Клянусь Мессией и девой, если ты меня не послушаешь и не вступишь в мою веру, я буду тебя пытать всякими пытками!" - "Клянусь Аллахом, если ты изрежешь мое тело на куски, я не расстанусь с верой ислама, и, может быть, Аллах великий пошлет мне близкую помощь - он ведь властен в том, что захочет, - ответила девушка. Сказали разумные: "Пусть будет беда для тела, но не беда для веры".

И тогда старик кликнул слуг и невольниц и сказал им: "Повалите ее!" И девушку повалили, и старик без отдыха бил ее жестоким боем, а

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
она звала на помощь, но не получала помощи. А потом она перестала звать и говорила: "Довольно с меня Аллаха и достаточно!", пока не прерва лось у нее дыхание и стали не слышны ее стоны. Когда же старик утолил гнев своего сердца, он сказал слугам: "Стащите ее за ноги и бросьте ее на кухне и не кормите ничем!"

И проклятый проспал эту ночь, а когда настало утро, он потребовал девушку и снова стал ее бить, а потом велел слугам бросить ее на прежнее место, и они это сделали. И когда остыли на ней побои, она воскликнула: "Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед - посол Аллаха! Аллах моя опора, и благой он промыслитель!" А потом она стала взывать о помощи к владыке нашему Мухаммеду, да благословит его Аллах и да приветствует..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста пятнадцатая ночь

Когда же настала триста пятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зумурруд стала взывать о помощи к пророку, да благословит его Аллах и да приветствует! - и вот то, что с ней было.

Что же касается Али-Шара, то он пролежал до следующего дня, а потом бандж улетел у него из головы, и он открыл глаза и крикнул: "Зумурруд!" Но никто ему не ответил. И он вошел в комнату и увидел, что внутренность дома пуста и место посещения далеко [352], и понял он, что это дело случилось с ним не иначе как из-за христианина. И он стал стонать, и плакать, и охать, и сетовать, и пролил слезы, и произнес такие стихи:

"О любовь моя, не щадишь меня и не милуешь,

И душа моя меж мучением и опасностью!

Пожалейте же, господа, раба, что унизился

На путях любви, и богатого, обнищавшего,

Как быть стрелку, если вдруг враги ему встретятся,

И стрелу метнуть в них захочет он, но порвется нить?

Коль над юношей соберется вдруг много горестей

И накопится, то куда бежать от судьбы ему?

Сколько раз они говорили мне о разлуке с ней,

До падет когда приговор судьбы, тогда слепнет взор".

А окончив это стихотворение, он испустил вздох и произнес еще такие стихи:

"Обиталище на холмистом стане оставила,

И стремится грустный к ее жилищу, тоскующий.

Обратила взоры к родным местам, и влечет ее

Стан покинутый, чьи следы исчезли, разметанны.

И стоит она, вопрошая там, и дает ответ

Отголосок ей: "Не найдешь пути ты ко встрече с ним.

Он как молния - озарит лишь стан на единый таит

Я уйдет опять, и тебе свой блеск не покажет "новь".

И Аля-Шар начал раскаиваться, когда раскаянье было ему бесполезно, и заплакал и разорвал на себе одежду, и, взяв в руки два камня, стал обходить город кругом, ударяя себя камнями по груди и крича: "О Зумурруд!"

И малыши бегали вокруг него и кричали: "Одержимый! Одержимый!" И вое, кто его знал, плакали о нем и говорили: "Это такой-то. Что это с ним случилось?" И АлиШар пробыл в таком состоянии до конца дня, а когда опустилась над ним ночь, он проспал до утра в каком-то переулке, а с утра стал ходить с камнями по городу до конца дня. И после этого он вернулся к себе домой, чтобы переночевать там, и его увидела его соседка (а это была старая женщина из добрых людей) и спросила его: "О дитя мое, спаси тебя Аллах, когда ты помешался?"

И Али-Шар ответил ей такими двумя стихами:

"Сказали: "Безумно ты влюблен". И ответил я:

"Поистине, жизнь сладка одним лишь безумным.

Оставьте безумие мое и подайте тех,

Кто мой отнял ум, а вылечат - не корите".

И старуха, его соседка, поняла, что он покинутый влюбленный, и сказала: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! О дитя мое, я хочу, чтобы ты рассказал мне о твоей беде - может быть, Аллах даст мне силу помочь тебе в ней, по своей воле". И Али-Шар рассказал ей обо всем, что у него случилось с Барсумомхристианином, братом кудесника, называвшего себя Рашид-ад-дином, и, узнав об этом, она сказала: "О дитя мое, тебе простительно!"

И потом она пролила из глаз слезы и произнесла такие стихи:

"Достаточно в жизни сей влюбленные мучились"

Аллахом клянусь, в аду не будут страдать они!

Погибли они любя и в тайне храня любовь,

И были чисты они, гласят так предания".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А окончив свое стихотворение, она сказала: "О дитя мое, встань теперь и купи корзинку, - такую, как корзинки у ювелиров. И купи браслетов, перстней, колец и украшений, подходящих для женщин, и не скупись на деньги. Положи все это в корзину и принеси ее, а я поставлю ее на голову и пойду под видом посредницы, и буду ходить и искать девушку по домам, пока не нападу на весть о ней, если захочет Аллах великий".

И Али-Шар обрадовался словам старухи и поцеловал ей руки, а потом он поспешно ушел и принес ей то, что она потребовала. И когда это оказалось у нее, она поднялась и, надев заплатанную одежду, покрыла голову изаром медового цвета, взяла в руки посох и понесла корзину. И она ходила с места на место, из квартала в квартал и из улицы в улицу, пока не привел ее Аллах великий ко дворцу проклятого Рашид-аддина, христианина. И она услышала из дома стоны и постучалась в ворота..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестнадцатая ночь

Когда же настала триста шестнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда старуха услышала из дома стоны, она ночь постучалась в ворота и к ней вышла невольница и отворила ей и приветствовала ее, и старуха сказала ей: "У меня есть вещицы для продажи. Найдутся у вас люди, которые их купят?" - "Да", - отвечала ей невольница и ввела старуху в дом и посадила ее, и девушки сели вокруг нее, и каждая из них что-нибудь у нее взяла. И старуха стала подлаживаться к девушкам и уступала им цену. И девушки были ей рады из-за ее милости и мягких речей, а старуха оглядывала со всех сторон помещение, ища ту, что стонала. И взгляд ее упал на стонавшую, и она проявила к девушкам любовь и оказала им милость и всмотрелась и увидела, что это брошенная Зумурруд. И старуха узнала ее и заплакала и спросила невольниц: "О дети мои, почему эта девушка в таком состоянии?" И невольницы рассказали ей всю историю и сказали: "Это не по нашей воле, но нам господин наш так приказал, а он теперь уехал". - "О дети мои, - сказала старуха, - у меня к вам просьба, и вот какая: освободите эту бедняжку от веревок до того времени, как узнаете о приезде вашего господина, а тогда вы свяжите ее, как раньше, и вам достанется награда от господа миров".

И невольницы ответили: "Слушаем и повинуемся!" А затем они подошли к Зумурруд и развязали ее и напоили и накормили, и старуха сказала: "О, если бы моя нога сломалась и я бы не вошла в ваш дом!"

А после этого она подошла к Зумурруд и сказала ей: "О дочка, да будешь ты благополучна! Аллах тебе поможет". И потом она рассказала ей, что пришла от ее господина Али-Шара, и сговорилась с Зумурруд, что та к завтрашнему вечеру приготовится и будет прислушиваться к шуму, и сказала ей: "Твой господин придет к скамейке под дворцом и свистнет тебе, и, когда ты услышишь это, свистни ему и спустись к нему из окна по веревке, и он возьмет тебя и уйдет с тобой".

И Зумурруд поблагодарила за это старуху, и та вышла и отправилась к Али-Шару, и уведомила его и сказала: "Отправляйся следующей ночью, в полночь, в такой-то квартал - дом проклятого там, и признаки его такие-то и такие-то. И стань под дворцом и свистни, - она спустится к тебе, возьми ее и уходи с ней куда хочешь".

И Али-Шар поблагодарил за это старуху, а затем он пролил слезы и произнес такие стихи:

"Пусть бросят хулители все сплетни и толки,

Страдает душа моя, и тело худеет.

Ток слез, как предания, что звеньями связаны [353]

С источником, льется то с трудом, то свободно.

О ты, чья свободна мысль от дум и забот моих,

Старанья оставь свои, меня вопрошая!

Знай - тот, чьи нежны уста, чей гибок и строен стаи,

Мне душу пленил навек и медом и ульем.

Не знает покоя дух, раз нет вас, не спят глаза,

И нет от надежд моих терпению пользы.

Оставлен заложником тоски огорченным я

И между завистником мечусь и хулящим.

Утешиться - это то, чего я не ведаю,

Иной, кроме вас, на ум теперь не приходите

А окончив овсе стихотворение, он пролил из глаз слезы и произнес такие два стиха:

"Награди Аллах возвестившего, что вы прибыли,

Ведь доставил он мне приятное для слуха,

Будь доволен он тем, что порвано, тогда отдал бы

Ему сердце я, что растерзано прощаньем".

А потом Али-Шар подождал, пока спустилась ночь и пришло условленное время, и отправился в тот квартал, который описала ему соседка, и увидел дворец, и узнал его, и сел под окном на скамейку. И его одолел сон, и он заснул (да будет прославлен тот, кто не спит!), а он долгое время не спал из-за охватившего его волнения, и стал точно пьяный. И когда он спал..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семнадцатая ночь

Когда же настала триста семнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что он спал, а один вор из числа воров вышел этой ночью на окраину города, чтобы чтонибудь украсть, и судьба забросила его ко дворцу этого христианина. И он обошел вокруг дворца и не нашел пути, чтобы туда подняться, и до тех пор ходил вокруг, пока не дошел до той скамейки. И он увидел спящего Али-Шара и взял у него тюрбан. И, взяв его, не успел опомниться, как Зумурруд выглянула из окна. И она увидела вора, стоявшего в темноте, и приняла его за своего господина и свистнула ему, и грабитель свистнул ей, и она спустилась к нему на веревке с мешком, полным золота. И, увидав

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
девушку, вор сказал про себя: "Поистине, вот удивительное дело, и причина его диковинна!"

А потом он взвалил мешок и девушку на плечи и исчез с ними, как поражающая молния. И девушка сказала ему: "Старуха мне рассказывала, что ты из-за меня ослабел, а ты вон сильнее коня". Но вор не дал ей ответа, и тогда она ощупала его лицо, и оказалось, что у него борода, точно банный веник, и он словно кабан, который проглотил перья, и концы их торчат у него из горла. И девушка испугалась его и спросила: "Кто ты такой?" И вор отвечал: "О шлюха, я ловкач Джаван-курд из шайки Ахмедаад-Данафа [354], и вас сорок ловкачей, и все мы будем сегодня ночью мять тебе матку с вечера до утра". И, услышав его слова, Зумурруд заплакала, и стала бить себя по щекам, и поняла, что судьба одолела ее и что нет для нее хитрости, кроме как вручить себя Аллаху великому. И она стала терпеть и подчинилась приговору Аллаха великого и сказала: "Нет бога, кроме Аллаха! Всякий раз как мы освободимся от одной заботы, мы попадаем в еще большую".

А причиной прихода Джевана в это место было то, что он сказал Ахмеду-ад-Данафу: "О ловкач, я заходил в этот город еще раньше, до этого, и знаю пещеру за городом, которая вместит сорок человек. Я хочу пойти туда раньше вас и отвести мою мать в эту пещеру, а потом я вернусь в город и украду там что-нибудь вам на счастье, и буду хранить это для вас, пока вы не придете, и это будет вам от меня угощеньем в тот день".

И Ахмед-ад-Даваф сказал ему: "Делай что хочешь". И Джаван вышел раньше их и пришел прежде них в то место и поместил свою мать в пещере. А выйдя из пещеры, он увидел спящего солдата, подле которого был привязан конь, и зарезал его и взял его платье и коня. И он взял оружие и одежду солдата и спрятал их в пещере у своей матери, и привязал коня, а потом он вернулся в город, и шел до тех пор, пока не пришел ко дворцу христианина и не сделал того, о чем было раньше упомянуто, взяв тюрбан Али-Шара и забрав его невольницу Зумурруд. И он бежал с ней, пока не посадил ее подле своей матери, и тогда он сказал матери: "Сторожи ее, пока я не вернусь к тебе завтра утром"! И ушел..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемнадцатая ночь

Когда же настала триста восемнадцатая ночь, она сказала: "Дошло меня, о счастливый царь, что Джеван-курд сказал своей матери: "Сторожи ее, пока я не вернусь к тебе завтра утром". И потом он ушел, и Зумурруд сказала про себя: "Что это за небрежность, и отчего не спасти себя хитростью? Что же мне ждать, пока не придут эти сорок человек и не станут сменять на мне друг друга, так что сделают меня подобной кораблю, утонувшему в море?"

И она обернулась к старухе, матери Джевана-курда, и сказала: "О тетушка, не выйдешь ли со мной из пещеры, я поищу у тебя в голове на солнце". - "Да, клянусь Аллахом, доченька, - отвечала старуха, - я уже давно не была в бане, так как эти кабаны все время ходят со мною с места на место".

И Зумурруд вышла с нею и стала искать и убивать вшей в ее голове, пока старуха не почувствовала себя приятно и не заснула. И тогда Зумурруд поднялась и надела одежду солдата, которого убил Джеван-курд, и опоясалась его мечом и навела его тюрбан, так что стала точно мужчина. А потом она села на коня и взяла с собой мешок с золотом и сказала про себя: "О благой покровитель, покрой меня ради сана Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует!" И она подумала: "Если я поеду в город, меня, может быть, увидит кто-нибудь из родных этого солдата, и мне не будет добра". И она отказалась от въезда в город и - поехала по безводной пустыне, и непрестанно подвигалась вперед с мешком и конем, питаясь злаками земли и кормя ими коня, а пила она сама и поила коня из потоков. И так она ехала в течение десяти дней, а на одиннадцатый приблизилась к городу, прекрасному и безопасному, полному добра, от которого отвернулось время зимы с ее холодом, и улыбалось время весны с ее цветами и розами, и расцвели в городе цветы, и разлились потоки, и защебетали птицы. И когда Зумурруд достигла города и приблизилась к воротам, она увидала войска, эмиров и знатных жителей города, и удивилась, увидев их, и сказала про себя: "Все жители города собрались у ворот, какая этому может быть причина?" И она направилась к толпе. И когда она приблизилась, воины наперегонки бросились к ней и спешились и поцеловали землю меж ее рук и сказали: "Аллах да дарует тебе победу, о наш владыка султан!" И выстроились перед нею обладатели должностей, и воины стали расставлять народ по местам и говорили: "Аллах да дарует тебе победу и да сделает твой приход благословенным для мусульман, о султан миров! Да укрепит тебя Аллах, о царь времени, о единственный в века и столетия!"

И Зумурруд спросила их: "В чем с вами дело, о жители города?" И царедворец ответил: "Одарил тебя тот, кто не скупится на дары, и сделал тебя султаном этого города и правителем над шеями всех, кто находится в нем. Знай, что обычай жителей этого города таков: когда умирает царь и у него нет сына, войска выходят за город и ждут три дня, и человека, который придет в город по той дороге, по какой ты пришел, они делают султаном над собою. Слава же Аллаху, который привел к нам человека из детей турок, прекрасного лицом, - если бы явился к нам человек и меньший, чем ты, он был бы султаном".

А Зумурруд обладала верным взглядом во всех своих делах, и она сказала: "Не думайте, что я из сыновей простых турок, нет, я из сыновей вельмож, но я разгневался на своих родных и ушел от них и оставил их. Посмотрите на этот мешок с золотом, который я привез с собою, чтобы раздавать из него милостыню беднякам и нищим". И ее стали благословлять и обрадовались ей до крайней степени, и Зумурруд тоже обрадовалась и сказала про себя: "После того как я достигла этого..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста девятнадцатая ночь

Когда же настала триста девятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зумурруд сказала про себя: "После того как я достигла этого, Аллах, быть может, соединит меня с моим господином в этом месте - поистине, он властен в том, что захочет".

И затем она поехала, и воины поехали с нею вместе и вступили в город и шли перед нею пешком, пока не привели ее во дворец. И Зумурруд спешилась, и эмиры и вельможи взяли ее под мышки и посадили на престол, и поце-^ ловали перед ней землю.

И когда Зумурруд села на престол, она велела открыть сокровищницы, и их открыли, и она раздала деньги всем воинам, и ей пожелали вечной власти, и стали повиноваться ей рабы и все жители страны. И некоторое время она правила так, повелевая и запрещая, и в сердцах людей возникло к ней большое почтение за ее благородство и целомудрие. И она упразднила пошлины и выпустила тех, кто был в тюрьмах, и отменила несправедливости, и полюбили ее вое люди. Но всякий раз, как она вспоминала своего господина, она плакала и молила Аллаха, чтобы он соединил его с нею. И случилось, что она вспомнила его в какую-то ночь и вспомнила те дни, которые провела с ним, и пролила из глаз слезы и сказала такие стихи:

"Моя страсть к тебе все нова, хоть срок и долог,

Поток слез глаза растравил мои обильно.

Когда я плачу, от муки плачу любовной я.

В разлуке тяжко быть влюбленному ведь".

А окончив свое стихотворение, она вытерла слезы, поднялась во дворец и вошла в гарем и отвела рабыням и наложницам отдельные помещения и назначила им выдачи и жалованье, и сказала, что хочет сидеть в своем месте одна, постоянно предаваясь благочестию. И она стала поститься и молиться, и эмиры говорили: "Поистине, вот султан, которому присуще великое благочестие!" А Зумурруд не оставила подле себя никого из челяди, кроме двух маленьких евнухов для услуг. И она просидела на престоле царства год, но не получала вести о

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
своем господине и не напала на его след и обеспокоилась из-за этого. И когда ее беспокойство усилилось, она позвала везирей и царедворцев и велела им привести измерителей и строителей, чтобы они устроили ей под дворцом ристалище длиной в фарсах и шириной в фарсах, и они сделали то, что она приказала, в самое короткое время, и ристалище вышло точь-в-точь такое, как она хотела. И когда это ристалище было закончено, Зумурруд выехала туда и велела разбить там для себя большой шатер, и расставить сиденья для эмиров, и приказала разложить на этом ристалище столы со всякими роскошными кушаньями. И сделали так, как она велела, а потом она приказала вельможам царства есть, и они поели, и Зумурруд сказала эмирам: "Когда появится серп нового месяца, я хочу, чтобы вы делали то же самое, и пусть в городе оповестят, чтобы никто не отпирал своей лавки, но все бы приходили есть с царского стола, а всякий, кто ослушается, будет повешен на воротах своего дома".

И когда наступил новый месяц, сделали так, как велела Зумурруд, и этот обычай продолжался до тех пор, пока не появился серп первого месяца в следующем году. И Зумурруд выехала на ристалище, и глашатай закричал: "О собрание людей, слушайте все: всякий, кто откроет свою лавку, или склад, или дом, будет тотчас же повешен жителям надлежит на воротах своего жилища. Всем прийти и есть с царского стола!"

И когда клич прокричали (а столы уже поставили), люди стали приходить толпами, и Зумурруд велела им сесть за столы и есть досыта всевозможных кушаний, и люди сели есть, как она приказала, а Зумурруд села на престол царства и смотрела на них, и каждый, кто садился за стол, говорил про себя: "Царь не смотрит ни на кого, кроме меня". И они ели, а эмиры говорили людям: "Ешьте и не стыдитесь! Царь это любит!" И люди ели, пока не насытились, и ушли, благословляя царя, и одни из них говорили другим: "Мы в жизни не видели султана, который бы так любил бедных, как этот султан!" И ему желали долгой жизни. И Зумурруд ушла к себе во дворец..."

И Шахразаду застигло утро, и она (прекратила дозволенные речи.

Триста двадцатая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот двадцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, Зумурруд ушла к себе во дворец, радуясь тому, что она устроила, и думала про себя: "Если захочет Аллах великий, таким способом я нападу на весть о моем господине Али-Шаре".

А когда начался следующий месяц, она сделала так же, как велел обычай, и поставили столы, и Зумурруд вышла и села на свой престол и велела людям садиться и есть. И она сидела на конце стола, а люди садились толна за толпой и один за одним, и вдруг взгляд ее упал на Барсума-христианина, который купил занавеску у ее господина. И она узнала его и сказала: "Вот начало помощи и достижения желаемого!" А Барсум подошел и сел среди людей. И он увидал блюдо сладкого риса, посыпанного сахаром (а оно стояло далеко от него), и потянулся к нему, и, протянув руку, взял блюдо и поставил его перед собой. И один человек, бывший с ним рядом, сказал ему: "Почему ты не ешь то, что перед тобой? Не стыдно тебе? Ты протягиваешь руку к тому, что от тебя далеко, или ты не стыдишься?" - "Я буду есть только это", - сказал Барсум. И человек ответил: "Ешь, да не сделает Аллах тебе приятным это кушанье!"

А один любитель гашиша сказал: "Пусть его ест рис, я тоже поем с ним". И тот человек воскликнул: "О самый скверный из гашишеедов, это не ваше кушанье, это кушанье эмиров! Оставьте же его, пусть оно достается тем, кому надлежит его есть".

Но Барсум его не послушался и, взяв горсть риса, положил его в рот и хотел взять вторую, а царица смотрела на него. И она кликнула кого-то из солдат и сказала: "Приведите того, перед кем блюдо со сладким рисом, и не давайте ему съесть риса, который у него в руке, выбейте его из его руки".

И к Барсуму подошли четверо воинов и потащили его вниз лицом, выбив сначала рис из руки, и поставили перед Зумурруд и люди не стали есть и говорили один другому: "Клянемся Аллахом, он преступник, так как не ел кушанья, подходящего для таких, как он". - "Я удовлетворюсь этой кашей, что стоит передо мной", - сказал один человек, а любитель гашиша воскликнул: "Хвала Аллаху, который не дал мне ничего взять с этого блюда со сладким рисом! Я ждал, когда тот человек отведает то кушанье и найдет его приятным, но ему досталось то, что мы видели". И люди говорили друг другу: "Подождите, посмотрим, что с ним будет". И когда Барсума подвели к царице Зумурруд, она сказала: "Горе тебе среди голубоглазых! Как твое имя и почему ты пришел в нашу страну?"

И проклятый изменил свое имя (а он повязал белый тюрбан [355]) и сказал: "О царь, мое имя Али, а по ремеслу я ткач, и пришел я в этот город для торговли". - "Подайте мне дощечку с песком и медный калам!" - сказала Зумурруд. И ей тотчас же принесли то, что она потребовала, и она взяла дощечку с песком и калам и стала гадать на песке, и начертила каламом изображение, похожее на изображение обезьяны, и после этого она подняла голову и некоторое время всматривалась в Барсума и сказала ему: "О собака, как ты это лжешь царям! Разве ты не христианин и имя твое не Барсум? Ты пришел за чем-то, что ты разыскиваешь! Скажи же мне правду, а иначе, клянусь величием вышнего господства, я отрублю тебе голову!"

И христианин стал запинаться, а эмиры и присутствующие сказали: "Этот царь умеет гадать на песке! Слава тому, кто даровал ему это!" И Зумурруд закричала на христианина и сказала ему: "Скажи правду, а не то я тебя погублю!" И христианин воскликнул:

"Прощенье, о царь времени! Ты правильно гадал на песке, и далекий христианин..." [356]

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать первая ночь

Когда же настала триста двадцать первая ночь, она сказала: "Дошло до о счастливый царь, что христианин сказал: "Прощенье, о царь времени, ты правильно гадал на песке, и далекий - христианин". И присутствующие эмиры и другие удивились тому, как царь отгадал, гадая на песке, и сказали: "Поистине, этот царь звездочет! Нет в мире ему подобного!" А потом царица велела содрать с христианина кожу и набить ее соломой и повесить на воротах ристалища и вырыть яму за городом и сжечь там его мясо и кости и набросать сверху нечистоты и грязь, и ей сказали: "Внимание и повиновение!" - и сделали все, что она велела.

И когда люди увидели, что постигло христианина, они сказали: "Награда ему то, что его постигло! Как злосчастен был для него этот рис!" И один из них оказал: "Далекий пусть разведется! Я в жизни не стану есть сладкого риса!" А любитель гашиша воскликнул: "Слава Аллаху, который избавил меня от того, что случилось с этим, и охватил меня, не дав поесть этого рису!" И затем все люди вышли, объявив запретным садиться около сладкого риса, на место этого христианина. И когда настал третий месяц, расставили, как обычно, столы и уставили их блюдами, и царица Зумурруд села на престол, и воины встали, как всегда, страшась ее ярости. И вошли, по обычаю, люди из жителей города и стали ходить вокруг стола, и смотрели на место того блюда, и один оказал другому: "Эй, хаджи Халиф!". [357] И тот ответил: "Здесь, о хаджи Халид!" И первый сказал: "Сторонись этого блюда со сладким рисом и берегись брать с него - если ты съешь отсюда чтонибудь, будешь повешен".

И потом они сели вокруг стола и принялись за еду, и, когда они ели, царица Зумурруд сидела, и взгляд ее вдруг упал на человека, который торопливо входил в ворота ристалища. И она всмотрелась в него и увидала, что это Джеван-курд, - вор, который убил солдата, а причиною его прихода было вот что.

Оставив свою мать, он ушел к товарищам и сказал им: "Я получил вчера хорошую наживу, я убил солдата и взял его коня, и мне достался в тот вечер мешок, полный золота, и женщина, которая стоит больше, чем золото в мешке, и я сложил все это в пещере, у моей матери". И его товарищи обрадовались и пошли в пещеру в конце дня, и Джеван-курд шел впереди них, а они сзади. И он хотел принести им то, о чем говорил, но увидел, что место пусто, и спросил свою мать об истине в этом деле. И она рассказала ему обо всем, что случилось. И курд стал кусать себе кулаки от горя и воскликнул: "Клянусь Аллахом, я буду искать эту развратницу и возьму ее в том месте, где она есть, хотя бы она была в скорлупе от фисташки, и изолью свой гнев на нее!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И он вышел ее искать и ходил по странам, пока не вошел в город царицы Зумурруд, но, войдя в город, он никого не нашел и спросил каких-то женщин, смотревших из окон, и они осведомили его о том, что первого числа каждого месяца султан ставит стол, и люди приходят и едят с него, и указали ему ристалище, где устанавливали стол.

И курд поспешно пришел и нашел пустое место, чтобы сесть, только около блюда, раньше упомянутого, и сел, и блюдо оказалось перед ним, и он протянул к нему руку, и люди закричали на него и сказали: "О брат наш, что ты хочешь делать?" - "Я хочу поесть с этого блюда, чтобы насытиться", - ответил курд. И один человек сказал ему:

"Если возьмешь с этого, будешь повешен". Но курд воскликнул: "Молчи и не произноси таких слов!"

И потом он вытянул руку и придвинул к себе блюдо, а любитель гашиша, раньше упомянутый, сидел рядом! с ним, и, увидев, что курд потянул к себе блюдо, убежал со своего места, и гашиш улетел у него из головы, и он сел поодаль и воскликнул: "Нет мне надобности в этом блюде!" А Джеван-курд протянул к блюду руку (а она имела вид вороньей ноги), и зачерпнул ею из блюда, и она стала похожа на верблюжье копыто..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать вторая ночь

Когда же настала триста двадцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Джеванкурд вынул из блюда руку, похожую на верблюжье копыто, смял в ней рис, так что он стал, точно большой апельсин, и бросил его торопливо в рот. И комок проходил в горле, грохоча как гром, и да блюде стало видно дно. И тот, кто был с ним рядом, воскликнул: "Слада Аллаху, который не сделал меня твоим кушаньем - ты проглотил бы блюдо одним глотком!" А любитель гашиша сказал: "Пусть ест, я вижу в кем образ повешенного".

И он обратился к курду и сказал ему: "Ешь, да не сделает тебе Аллах еду приятной". И курд протянул руку за вторым куском и хотел смять его, как первый, и вдруг царица крикнула солдатам и сказала: "Приведите скорее этого человека и не давайте ему съесть рис, который у него в руке".

И воины сбежались к нему (а он склонился над блюдом), и схватили его, и взяли, и он предстал перед царицей Зумурруд - И люди стали злорадствовать и говорили друг другу: "Он заслужил это, мы предупреждали его, а он не слушал предупреждений. Это место обещает смерть тому, кто на нем сидит, и этот рис приносит несчастье тому, кто его съест".

А царица Зумурруд спросила курда: "Как твое имя, кто ты по ремеслу и почему пришел в наш город?" И курд сказал: "О владыка султан, мое имя Осман, а по ремеслу я садовник. И причина моего прихода в этот город та, что я ищу вещь, которая у меня пропала". - "Ко мне доску с песком!" сказала царица. И ей принесли доску, и она взяла калам и стала гадать на песке и всматривалась в него некоторое время, а потом подняла голову и сказала курду: "Горе тебе, о скверный! Как это ты лжешь царям! этот песок говорит мне, что твое имя Джеван-курд и по ремеслу ты вор - берешь и отнимаешь неправедно достояние людей и убиваешь души, которые Аллах запретил убивать иначе, как за должное" [358].

И затем она закричала на него и сказала: "О кабан, будь правдив в своем рассказе, иначе я отрублю тебе голову!" И когда курд услышал слова царицы, он стал желтым, и обнажились его зубы. И он подумал, что если окажет правду, то спасется, и молвил: "Ты прав, о царь, но я раскаюсь теперь при твоей помощи и вернусь к Аллаху великому". - "Мне не дозволено оставить бедствие на дороге мусульман", - молвила царица. И потом она сказала кому то из своих людей: "Возьмите его, сдерите с него кожу и сделайте с ним то же самое, что вы сделали с подобным ему в прошлом месяце". И они сделали, что она им велела, и тогда любитель гашиша увидел, как солдаты схватили этого человека, он повернулся спиной к блюду с рисом и сказал: "Поистине, обращать к тебе лицо муе запретно!"

Окончив есть, люди удалились и разошлись по домам, а царица поднялась во дворец и позволила мамлюкам уйти.

Когда же начался третий месяц [359], пришли, по обычаю, на ристалище люди, и им принесли кушанья, и все сели, ожидая разрешения, и вдруг вошла царица и села на престол и стала смотреть на собравшихся. И она увидела, что место около блюда с рисом пусто, хотя там могли бы поместиться четыре души, и удивилась этому. И царица повела вокруг глазами и бросила взгляд и вдруг увидала человека, который торопливо вошел в ворота ристалища и продолжал торопиться, пока не встал у стола. И он не нашел свободного места, кроме места возле блюда, и сел. И царица всмотрелась в него и увидела, что это тот проклятый христианин, который назвал себя Рашид-ад-дином, и подумала:

"Сколь благословенно это кушанье, в силки которого попался этот нечестивый!" А его приходу была диковинная причина - когда он вернулся из путешествия..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать третья ночь

Когда же настала триста двадцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда проклятый, который назвал себя Рашидад-дином, вернулся из путешествия, его домочадцы рассказали ему, что Зумурруд исчезла, а с нею мешок денег. И, услышав эту весть, он разодрал на себе одежду и стал бить себя по лицу и выщипал себе бороду. И он послал своего брата Барсума ее разыскивать. И когда вести о нем заставили себя ждать, Рашид-ад-дин сам вышел разыскивать своего брата и Зумурруд.

И судьбы закинули его в город Зумурруд и он вступил в этот город в первый день месяца. Пройдя до улицам, он увидел, что город пуст и вое его лавки затерты. И он заметил в окнах женщин и спросил одну из них о жителях этого города, и ему оказали, что царь ставит стол для всех людей в начале каждого месяца, и люди едят за ним вместе, и никто не может сидеть у себя дома или в лавке. И женщины указали ему, где ристалище, и, войдя туда, он увидел, что люди толпятся около кушаний. И он нашел для себя место только там, где стояло как всегда блюдо с рисом. И он сел и протянул руку, чтобы поесть с того блюда, и царица крикнула кому-то из воинов и сказала "Подайте того, кто сел около блюда с рисом!" И его узнали, как обычно, и схватили и поставили перед царицей Зумурруд.

"Горе тебе, как твое имя, кто ты по ремеслу и почему ты пришел в наш город?" - спросила она. И христианин сказал: "О царь времени, мое имя Русту м, и нет у меня ремесла, так как я бедняк дервиш". - "Подайте мне доску с песком и медный калам!" - сказала царица слоем людям, и ей, как всегда, подали то, что она потребовала; и Зумурруд взяла калам и стала чертить им на доске с песком и провела некоторое время, всматриваясь в нее, а потом она подняла голову и сказала христианину: "О собака, как это ты лжешь царям! Твое имя Рашид-ад-динхристианин, а ремесло твое в том, что ты учиняешь хитрости с невольницами мусульман и похищаешь их. Ты мусульманин наружно и христианин втайне. Говори правду, а если не скажешь правды, я отрублю тебе голову"

И христианин стал запинаться и сказал: "Ты прав, о царь времени!" И царица приказала разложить его и дать ему сто ударов бичом по каждой ноге, и тысячу ударов по телу, и потом содрать с него кожу и набить ее паклей, а после этого вырыть яму за городом и сжечь его, и насыпать в яму грязи и нечистот. И сделали так, как она приказала, а потом царица позволила людям есть, и они поели.

А когда люди кончили есть и ушли своей дорогой, царица Зумурруд поднялась к себе во дворец и сказала: "Слава Аллаху, который избавил мое сердце от тех, кто меня обидел". И она поблагодарила творца земли и небес и произнесла такие стихи:

"Землей они правили, и было правленье их

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
Жестоким, но вскоре уж их власти как не было,

Будь честны они, и к ним была бы честна судьба,

За зло воздала она злом горя и бедствия.

И ныне язык судьбы их видом вещает нам:

"Одно за другое; нет упрека на времени".

И когда она окончила свое стихотворение, ей пришел на мысль ее господин Али-Шар, и она заплакала обильными слезами, а потом она вернулась к разуму и сказала про себя: "Быть может, Аллах, который отдал меня во власть моих врагов, пошлет мне возвращенье любимых". И она попросила прощенья у Аллаха, великого, славного!

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать четвертая ночь

Когда же настала триста двадцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царица попросила прощенья у Аллаха, великого, славного, и сказала: "Быть может" скоро Аллах сведет меня с моим возлюбленным Али-Шаром! Он ведь властен во всех вещах и всеблаг и сведущ о своих рабах".

И она восхвалила Аллаха и продлила просьбы о прощении, и подчинилась случайностям судеб, уверившись, что всякому началу неизбежен конец, и произнесла слова поэта:

"Легко относись ко всему. Ведь всех дел

В деснице господней, ты знаешь, судьба.

И то, что запретно, к тебе не придет,

А что суждено, не уйдет от тебя.

И слова другого:

Распусти дней складки, - пусть расправятся,

И в дома забот не ступай ногой.

Скольких дел нам не легко достичь,

Но за ним близок счастья час.

И слова другого:

Будь же кротким, когда испытан ты гневом,

Терпеливым, когда постигнет несчастье.

В наше время беременны ночи жизни

Тяжкой ношей и дивное порождают.

И слова другого:

Терпи, ведь в терпенье благо; если б ты знал о том,

Спокоен душой бы был, от боли бы не страдал.

И знай, если не решишь терпеть благородно ты,

Неволею вытерпишь все то, что чертил калам" [360].

А окончив свое стихотворение, она провела поело этого целый месяц, днем творя суд над людьми, приказывая и запрещая, а ночью плача и рыдая о разлуке со своим господином Али-Шаром. И когда показался новый месяц, она велела поставить на ристалище стол, по течению обычая, и села над людьми, и они ожидали разрешения начать еду, и место около блюда с рисом было пусто. И Зумурруд сидела на конце стола, устремив глаза к воротам ристалища, чтобы не пропустить всякого, кто войдет, и говорила про себя: "О тот, кто возвратил Юсуфа Якубу и устранил страдания Айюба [361], смилуйся и верни мне моего господина Али-Шара, по твоему могуществу и величию! Ты ведь властен во всех вещах, о господь миров, о водитель заблудших, о внимающий голосам, о ответствующий мольбам. Ответь мне, о господь миров!" И не закончила она еще своей молитвы, как в ворота ристалища вошел человек, стан которого был подобен ветви ивы, но только он исхудал телом, и желтизна блестела на нем, и был он прекрасней всех среди юношей, совершенный по разуму и образованности. И, войдя, он не нашел пустого места, кроме места около блюда с рисом, и сел там, и, когда Зумурруд увидела его, у нее забилось сердце. И она как следует посмотрела на него, и ей стало ясно, что это ее господин, Али-Шар, и захотелось ей закричать от радости, но она укрепила свою душу и побоялась опозориться перед людьми. И внутри у нее все трепетало, и сердце ее волновалось, но она скрыла то, что было с ней.

А причиною прихода Али-Шара было вот что. Когда он заснул на скамье и Зумурруд опустилась и Джеванкурд похитил ее, он проснулся и увидел, что голова у него не покрыта, и понял, что какой-то человек сделал ему зло и взял его тюрбан, пока он спал. И тогда он произнес те слова, говорящий которые не смутится, а именно: "Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!" А потом он вернулся к той старухе, которая рассказала ему о местопребывании Зумурруд и постучал к ней в дверь, и старуха вышла, и он до тех пор плакал перед ней, пока не упал без памяти. А придя в себя, он рассказал старухе обо всем, что его постигло, и старуха стала его ругать и бранить за то, что он сделал, и сказала: "Поистине, твоя беда и несчастье из-за тебя самого". И она до тех пор его упрекала, пока у него из ноздрей не полилась кровь и он не упал без памяти, а когда он очнулся от обморока..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать пятая ночь

Когда же настала триста двадцать пятая ночь, ода сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что АлиШар, очнувшись от обморока, увидел старуху, которая плакала из-за него и лила из глаз слезы. И затосковал он и произнес такие два стиха:

"О, как горько возлюбленным расставанье

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И как сладко для любящих единенье!

Всех влюбленных сведи, Аллах, снова вместе,

И меня охрани, господь, - я кончаюсь!"

И старуха опечалилась из-за него и сказала: "Сиди здесь, пока я не разузнаю кое-что для тебя; я скоро вернусь". И Али-Шар отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И старуха оставила его и ушла и отсутствовала до полудня, а потом она вернулась к нему и сказала: "О Али, я думаю, что ты не иначе как помрешь от своей печали, так как ты теперь увидишь твою возлюбленную только на смертном пути. Жители дворца, проснувшись утром, увидели, что окно, которое выходит в сад, высажено, и обнаружили, что Зумурруд исчезла и с ней мешок денег христианина. И когда я пришла туда, я увидела, что вали стоит у ворот дворца со своими людьми. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!"

И когда Али-Шар услышал от старухи эти слова, свет сменился мраком перед лицом его, и он отчаялся в жизни и убедился в своей кончине. И он не переставая плакал, пока не упал без памяти. А когда он очнулся, его стала терзать любовь и разлука, и он заболел тяжкой болезнью. И Али-Шар не покидал дома, а старуха приводила к нему врачей, поила его питьями и приготовляла ему отвары в течение целого года, пока дух не вернулся к нему, и тогда он вспомнил о том, что минуло, и произнес такие стихи:

"Заботы собрались все, а милые разошлись,

И слезы текут спеша, и сердце горит мое.

Того велика любовь, не знает покоя кто

Любовью он изнурен, тоской и волнением.

Господь мои! Коль в чем-нибудь мне есть облегчение,

Пошли его мне скорей, пока я еще дышу".

А когда наступил другой год, старуха сказала: "О дитя мое, эта грусть и печаль, что овладели тобой, не вернут тебе твоей возлюбленной. Поднимайся, укрепи свою душу и отправляйся на поиски Зумурруд - может быть, ты нападешь на весть о ней".

И она до тех пор ободряла его и укрепляла, пока он не оживился, и тогда она сводила его в баню и напоила питьем и дала ему поесть курицы. И делала это с ним каждый день в течение месяца, пока Али-Шар не окреп. И он уехал и путешествовал до тех пор, пока не прибыл в город Зумурруд. И когда он вошел в ристалище и сед возле кушанья, и протянул руку, чтобы поесть, лю дям стало жаль его, и они сказали: "О юноша, не ешь с этого блюда, со всяким, кто брал с него, случалась беда". - "Дайте мне поесть с него, пусть со мной делают что хотят, может быть, я отдохну от этой томительной жизни", - отвечал Али-Шар и съел первый кусок. И Зумурруд хотела призвать его к себе, но ей пришло на ум, что он голоден, и она сказала про себя: "Мне подобает дать ему поесть, чтобы он насытился".

И Али-Шар стал есть, и люди дивились на него и ожидали, что с ним случится беда. А когда он поел и насытился, Зумурруд сказала кому-то из евнухов: "Пойдите к этому юноше, что ест рис, и приведите его осторожно и скажите ему: "Поговори с царем об одном небольшом деле". И евнухи отвечали: "Слушаем и повинуемся!" И пошли к Али-Шару и встали возле него и сказали: "О господин, пожалуйста, поговори с царем, и пусть твоя грудь расправится".

И Али-Шар отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И потом он пошел с евнухами..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать шестая ночь

Когда же настала триста двадцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Шар сказал: "Слушаю и повинуюсь!"

И затем он пошел с евнухами, и люди стали говорить друг другу: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Посмотрим, что сделает с ним царь". И кто-то сказал: "Он не сделает с ним ничего, кроме добра, так как, если бы он хотел для него зла, он не дал бы ему поесть досыта". И когда Али-Шар остановился перед Зумурруд, он приветствовал ее и поцеловал землю меж ее рук, а Зумурруд ответила на его привет и встретила его с уважением и спросила: "Как твое имя, кто ты по ремеслу и почему ты пришел в этот город?" - "О царь, - ответил юноша, - мое имя АлиШар, и я из детей купцов, и страна моя - Хорасан, и пришел я в этот город потому, что разыскиваю невольницу, которая у меня пропала, а она была мне дороже, чем мой слух и мое зрение. Моя душа привязана к ней, с тех пор как я ее потерял. Вот моя история".

И потом он так заплакал, что потерял сознание, и царица велела брызнуть ему в лицо розовой водой, пока он не очнулся. А когда он очнулся от обморока, царица сказала: "Ко мне доску с песком и медный калам!" И их принесли, и она взяла калам и стала гадать на доске с песком и всматривалась в него некоторое время, а потом сказала юноше: "Ты был правдив в своих словах; Аллах вскоре соединит тебя с нею; не беспокойся".

И она велела царедворцу отвести юношу в баню, одеть его в красивую одежду из платьев царей, и посадить его на коня из избранных царских коней, и затем привести его к концу дня во дворец. И царедворец отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И, пропустив Ади-Шара вперед, он отправился с ним.

И люди стали говорить друг другу: "Что это с царем, почему он так ласково обошелся с этим юношей?" И кто-то сказал: "Не говорил ли я вам, что он не сделает ему зла, так как у него красивый облик? С той минуты, как он подождал, пока юноша насытится, я узнал это".

И каждый из людей сказал что-нибудь по этому поводу, а потом разошлись своими дорогами. И Зумурруд не верилось, что наступит ночь и она уединится с возлюбленным своего сердца. Когда настала ночь, она вошла в то помещение, где ночевала, и сделала вид, что ее одолел сон (а у нее обычно никто не спал, кроме двух маленьких евнухов, чтобы ей прислуживать). И, расположившись, она послала за своим возлюбленным Али-Шаром, а сама села на ложе, и свечи сияли у ее изголовья и в ногах, и золотые лампы озаряли этот покой.

И когда люди услышали, что она за ним посылает, ни удивились, и каждый из них стал делать предположения и строить догадки, и кто-то сказал: "Царь во всяком случае привязался к этому юноше. Завтра он сделает его начальником войск".

И когда Али-Шара привели к царице, он поцеловал перед ней землю и призвал на нее милость Аллаха, а она сказала про себя: "Я непременно пошучу с ним немного и не дам ему узнать себя".

"О Али, ты ходил в баню?" - спросила она потом, и Али ответил: "Да, о владыка наш!" - "Поешь этой курицы и мяса и выпей сахарной воды и питья, - ты ведь устал, - а потом пойди сюда", - сказала она. И АлиШар ответил: "Слушаю и повинуюсь!"

И потом он сделал так, как она велела, а когда он кончил есть и пить, царица сказала ему: "Поднимись ко мне на ложе и растирай меня". И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Али-Шар стал растирать ей ноги и колени и увидел, что они мягче шелка, а царица сказала ему: "Поднимайся и растирай выше".

Но Али-Шар ответил: "Прощенье, владыка! Дальше колена я не пойду!" "Ты мне противоречишь? Это будет для тебя злосчастная ночь", - сказала царица..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать седьмая ночь

Когда же настала триста двадцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зумурруд сказала своему господину АлиШару: "Ты мне противоречишь? Это будет для тебя злосчастная ночь! Напротив, тебе надлежит мне повиноваться, и я сделаю тебя моим возлюбленным и назначу тебя эмиром из моих эмиров". - "О царь времени, в чем я должен тебе повиноваться?" - спросил Али-Шар. И царица оказала: "Распусти одежду и ляг ничком". - "Этого я в жизни не делал. И если ты меня заставишь, я буду тягаться об этом с тобою перед Аллахом в день воскресенья, - сказал АлиШар. - Возьми от меня все, что ты мне дал, и позволь мне уйти из твоего города".

И затем он заплакал и зарыдал, а царица сказала ему: "Распускай одежду и ложись ничком, иначе я отрублю тебе голову". И Али-Шар сделал это, и она легла ему на спину, и он почувствовал что-то мягкое, мягче шелка и нежнее сливочного масла, и сказал про себя: "Этот царь лучше всех женщин".

И потом она побыла немного у него на спине и после этого опрокинулась на землю, и Али-Шар сказал про себя: "Слава Аллаху! Он, кажется, все такой же!" - "О Али, - сказала она, - у него в обычае пробуждаться, только если его касаются. Коснись же его, чтобы с ним это случилось, а иначе я тебя убью".

И она легла и положила на себя его руку, и оказалось, что под рукой нечто нежнее шелка, напоминающее своим жаром баню или сердце влюбленного, которого изнурила страсть. И Али-Шар сказал про себя: "У царя есть это! Вот дивное диво!" И к нему пришла страсть, и он взволновался до крайней степени, и, увидя это, Зумурруд засмеялась и захохотала и воскликнула: "О господин мой, все это произошло, и ты меня не узнаешь?" "Кто же ты, о царь?" - спросил Али. И она оказала: "Я твоя невольница Зумурруд".

И когда Али-Шар узнал это, он обнял ее и поцеловал и бросился на нее, как лев на овцу, и убедился, что это его невольница без сомнения. И он был все время у нее привратником и имамом в ее михрабе, и она с ним клала неявные и земные поклоны и вставала и садилась, и сопровождала славословия вскриками и движениями. И услышали евнухи и пришли и посмотрели из-за занавесок, и увидели, что царь лежит, и с ним Али-Шар, и он двигается, а она вздыхает и заигрывает, и евнухи сказали: "Такое заигрыванье - не заигрыванье мужчины. Может быть, этот царь женщина?" И они скрыли это дело и не объявили о нем никому. А наутро Зумурруд послала за своими воинами и вельможами царства и призвала их и сказала: "Я хочу отправиться в город этого человека; выберите себе наместника, который будет судить вас, пока я не вернусь". И они ответили Зумурруд вниманием и повиновением, и затем она начала собирать все нужное для поездки - пищу, деньги, припасы, подарки, верблюдов и мулов, - и выехала из города, и ехала до тех пор, пока не прибыла в город Али-Шара. И он вошел в свое жилище, и стал одарять людей и раздавать милостыню и дарить и наделять, и ему достались от Зумурруд дети, и жил он с нею в наилучшей радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава вечносущему без конца и хвала Аллаху во всяком положении!